

16+

Ваня Макаров

Неоканнибалы

Ваня Макаров

Неоканнибалы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37407883

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-10448-8

Аннотация

Эксцентричная выходка ведущего кулинарного шоу так и осталась бы незначительным анекдотом, если бы в результате нее он не оказался в гостях у не менее эксцентричных поедателей человечины. Тех самых, что были героями самых мрачных и невероятных слухов среди жителей Солнечной системы и вели уединенный образ жизни на гигантской засекреченной базе за орбитой Марса, не желая иметь дела ни с орбитальным правительством Земли, ни с администраторами юпитерианских станций. Станций, которые отчаянно нуждались в ресурсах базы неоканнибалов и уже давно отправили для ее обнаружения своего лучшего разведчика.

Содержание

Ваня Макаров

Неоканнибалы

Почему произошел сбой самой надежной системы в мирах, до сих пор неизвестно. Но так или иначе вместо того, чтобы пристыковаться к одиннадцатому причалу центральной ромашки базы «Ноль», автоматический грузовой шаттл поднял кучу пыли где-то на обратной стороне Луны. Происшествие это не удостоилось даже короткой строчки в новостях, хотя именно оно породило цепь событий, что привели к кардинальному изменению жизни на солнечных орбитах.

Я узнал о гибели шаттла одним из последних, потому что, как и всегда по выходным, в прямом эфире вел по второму орбитальному каналу свое кулинарное шоу «Cool!!!инария». Вылив чашку соуса на аппетитное жаркое из ящера с острова Комодо и воткнув двузубую вилку в источающее пар мясо, я бодро крикнул на всю студию: «Это cool!!!». Я очень гордился тогда этим слоганом, искренне полагая его оригинальным и гормонально мужественным.

Сразу после этого дикого вопля, который звучал в течение всего шоу с десятков раз и задавал ему, как думалось мне тогда, рабочий ритм, я мило улыбнулся бездушной оптике и заговорщицки пообещал своей аудитории через минуту-другую явить во второй части шоу необычайное блюдо из рациона жителей орбитальных станций, что дрейфуют у Юпите-

ра. В эфир тут же рванулся блок интерактивной рекламы, занимавший по времени, разумеется, не одну, а десять минут – дабы хоть как-то уровнять в правах с нашей основной земной и лунной аудиторией всех тех зрителей, что смотрели второй орбитальный на Марсе и в его окрестностях. Само собой, о дальних космических станциях никто особо не заботился – им и простая-то реклама товаров, доставка которых даже до Марса осуществлялась крайне редко, была без надобности.

Я старательно вчитался в искусно замаскированный под красочную салфетку лист пластика. На нем было по пунктам расписано, как фаршируют оливки самыми разными наполнителями: начиная с лимона и заканчивая кусочками филе золотой форели. Понятное дело я знал, что всего из перечисленного на орбите Юпитера не сыскать. Но спорить с директором, злым как радиоактивный штырь, не решился. Тем более, тот крайне прозрачно намекнул на высшую необходимость этого кулинарного сюжета. Иными словами, политическую его необходимость.

Я как раз дошел до золотой форели, когда из-за фальш-панели, изображавшей кухонный интерьер с древней газовой плитой посередине, вылетела запыхавшаяся Алена Кэнверл, третья помощница нашего бравого босса. По юпитерианским меркам это была классическая толстушка. У нас, при всех своих ста двадцати кило земного веса и талии в 90 сантиметров, она считалась особой весьма миниатюрной и даже стройной.

– Лэнни, оливок не будет, – томно выдохнула она.

Разве можно было принять ее слова всерьез?

– Брось шутить, Элен! Лучше убери отсюда эту несчастную ящерицу и напхни этим балбесам из доставки, чтобы они не забыли про исходные для фарша. Они там в отдельных...

– Я не шучу, Лэнни! – в голосе Кэнверл было отчаяние. – Ничего не будет – шаттл, он... он разбился!

И она растерянно всплеснула руками. До конца рекламной паузы оставалось минут шесть.

Я уже схватил блюдо с жареным динозавром, чтобы от души запустить им в трехмерное изображение газовой плиты, как из-под потолка раздалось громовое:

– Лэнни!

Судя по голосу, директор снова начитался сводок, недвусмысленно говорящих о том, что конкуренты с третьего орбитального делают нас по всем рейтинговым позициям.

– Да, босс! – я быстренько сунул жаркое Элен и верноподданнически уставился в оптику. Счетчик рядом с ней, слава Нейлу, показывал неплохой зрительский интерес.

– Вынь руки из своей жирной..., – тут последовал термин из области занимательной анатомии, – и начинай готовить обещанное шоу! У нас на проводе сидит почти миллион дальних и если ты их разочаруешь, твоя жирная..., – босс никогда не трудился разнообразить свои жаргонные выражения, – полетит на Землю делать репортаж о сортирах на гид-

ропонных станциях!!!

Я скосил глаза на счетчик. Директор не врал – почти две трети аудитории, заинтересовавшейся моей «Cool!!!инарией», составляли жители дальних станций.

Я, конечно, попробовал возмутиться. Но босс лишь угрожающе кашлянул в кулак, и этого оказалось достаточно, чтобы Элен как ошпаренная вылетела из студии, а из-за технической переборки мне на стол полетел какой-то полиэтиленовый мешок. Реквизиторы запихнули туда все, что только попало им под руку: жестянку дешевого шпротного паштета, тубик пюре из морской капусты, пакет со сгущенным коровьим молоком. Завершал картину промасленный бумажный пакет с еще теплыми тонкими блинами – такими торговали в ближайшей закусочной.

Я горестно вздохнул. До прямого включения осталась всего ничего.

– Это cool! И прямо здесь и сейчас я покажу вам самое отвязное блюдо самых отвязных парней этой Вселенной!

Терять мне было уже нечего, так что, пожалуй, впервые за многие годы работы я начал импровизировать, пустив в ход всю свою фантазию. Мастерски изобразив, будто испек блины на универсальной сковородке за время рекламной паузы, я с ехидной улыбочкой начал плести всякую чушь, на ходу выдумав историю о том, как несчастным жителям юпитерианских станций для приготовления разных блюд приходится использовать одни и те же ингредиенты. А потому из самых

простых и, казалось бы, несовместимых продуктов они порой готовят такие изыски, что остается только диву даваться.

– А главное, для этого не нужно особых кулинарных способностей и много времени, – продолжал заливаться я, видя, как счетчик рядом с оптикой стремительно набирает обороты, фиксируя резкий всплеск зрительского интереса к моему шоу. – И это cool!

Взломав банку со шпротным паштетом, я выбил его на разделочную доску. Не торопясь выдавил рядом пюре из морской капусты и манерно вылил густое сгущенное молоко в соусник. Примерно минуту мне удалось выиграть, глубокомысленно подбрасывая последний из блинов на сковородке.

– А теперь я представлю вам самое оригинальное блюдо, которое я только встречал за всю свою карьеру ведущего вашего любимого шоу!

Недолго думая, я вытряхнул на тефлоновый круг дымящийся блин, икорной ложечкой выложил на него в две одинаковые линии паштет с капустой и свернул блин в трубочку. В конце концов, блинчики с мясом были в колледже моим фирменным блюдом.

– И последний штрих этого необычного рецепта, который мне поведал выходец с одной из юпитерианских станций, – выдохнул я, медленно поднимая соусник и влюбленными глазами всматриваясь в хронометр над оптикой, который предсказывал скорое завершение моего позора. – Вот это банальное сгущенное молоко! Мы оставим его в нату-

ральном виде, но некоторые жители юпитерианских орбит предпочитают его предварительно сварить – прямо в банке, для того, чтобы придать нежно коричневый цвет...

Я нарочито торжественно полил сгущенкой этот ролл, начиненный ядерной смесью шпротного паштета и морской капусты, взял в руки нож с вилкой, отрезал кусок аппетитного на вид яства и героически сунул его в рот. Сладкий жирный блин с острым рыбным вкусом и оттенком зеленой водоросли, и тогда и сейчас это, скажу вам, еда не для слабых. Но я все же нашел в себе силы с видимым аппетитом прожевать до конца неожиданное творение собственной кулинарной мысли и улыбнуться в оптику.

– Это cool!!!

В эфир ломанулся очередной рекламный блок. Можно было перевести дух. Главное, что я не сорвал прямой эфир, так что у директора никаких претензий не будет. К шуткам коллег с третьего орбитального мне не привыкать, а наши зрители уже через минуту забудут про чудака Лэнни, выдавшего им порцию невообразимой мешанины за оригинальный рецепт жителей далеких юпитерианских станций...

Но как выяснилось, я сильно ошибался. Спустя сутки жители Луны-Ноль, пускай и без особенного ажиотажа, разобрали со складов месячный запас шпротного паштета, а заодно и консервированных шпрот. Мое имя промелькнуло в новостных блоках сразу нескольких газетных операторов, а рейтинг «Cool!!!инарии» впервые за всю историю превысил

рейтинги всех аналогичных лунных и земных шоу. Впрочем, распробовав блюдо, многие начали в открытую насмехаться над моим вкусом. И, конечно коллеги с третьего орбитального были здесь в первых рядах. Однако не прошло и недели после эфира, как смеялся уже я. Академия кулинарного искусства юпитерианских орбитальных станций пригласила меня на вручение Золотой картофелины – одной из трех наивысших наград, ежегодно присуждаемых лучшим кулинарам человечества. Причем, как сообщил мне, довольно потирая свои пухлые руки, директор нашего второго орбитального, академики весьма прозрачно намекнули, что я не буду на этой церемонии простым зрителем или почетным вскрывателем конвертов с именами победителей.

– Я уже обо всем позаботился – полетишь скоростным спецрейсом! Да, и все расходы за наш счет! – директор знал о моей нелюбви к любым полетам и был готов на все, чтобы иметь возможность небрежно обронить в разговоре за ланчем с главными спонсорами Луны-Ноль: «Как это где наш Лэнни? Так он же сейчас Золотую картофелину получает от академиков». Вдобавок, как выяснилось гораздо позже, босс мог спокойно позволить себе увеличить затраты на мою персону: юпитерианские станции выкупили у него все выпуски моего кулинарного шоу и подписались на получение всех передач нашего канала. И вот сопровождаемый завистливыми взглядами новостной бригады третьего орбитального я поднялся по трапу на скоростной космический лайнер «Уинстон

Черчилль». И через три часа, после прохождения всех необходимых дезинфекционных процедур, благоухающий ароматом дорогой парфюмированной воды улегся в мягкое кресло люксового салона. Справа мгновенно заиграл звездными огнями экран, стилизованный под иллюминатор, а слева с приятным звоном раскрылся бар, забитый самыми разнообразными напитками. Из-под потолка раздался суровый мужской голос, предупреждавший о скором старте. Я торопливо застегнул все три широких пояса безопасности, и принялся расслабленно потягивать джин, то и дело заедая его шариками, слепленными из маринованных орешков сибирской сосны. Взлет я встретил уже в крайне приподнятом настроении: все страхи улетучились сами собой, и, глядя на удаляющиеся лунные кратеры, я бодро запел вместе с Рио Баджо: «О Луна, ты в моем сердце, ты смотришь мне вслед, а я ввинчиваюсь в космические дали».

Дальнейшие несколько часов помню очень смутно – сильно напился. Хотя и не настолько, чтобы совсем потерять представление о приличиях. Словно в тумане встав со своего кресла, я качаясь добрал до туалетной кабины, благо, она размещалась недалеко от моей секции салона. Извергнув из себя излишки алкогольной отравы, которую мы на Луне-Ноль с уважением именовали универсальным лекарством от самых разных фобий, я подставил голову под струю ледяной воды и вроде немного пришел в себя. Впрочем, шатало меня как и прежде, а перед взором то и дело проплывали

ключья тумана. Именно поэтому, напевая себе под нос «а я ввинчиваюсь...», с уверенностью, присущей пьяным людям, я свернул в противоположную от салона сторону и распахнул приоткрытую овальную белую дверь без каких-либо опознавательных знаков.

Захлопнув ее за собой, я удивился наличию вокруг каких-то шумных агрегатов, дернулся было назад, но дверь оказалась наглухо закрытой. Я стукнул по ней несколько раз кулаком – никакого эффекта.

– Эй, привет! Есть тут кто?

В ответ – только стук агрегатов. Я прошел до противоположной стены, во всю ширину которой был установлен огромный гудящий шкаф, поглазел на древний знак, привинченный каким-то умником на одну из центральных створок этого шкафа и понятный даже в стельку пьяному человеку, «Не влезай, убьет!». И наконец понял, что попал туда, где находиться не должен. По счастью у меня с собой была бутылочка виски в виде ноги от скафандра, которую я машинально сунул в карман, оставляя уютное кресло. Устроившись рядом с единственным выходом из этого машинного отсека, за одним из агрегатов, я начал прикладываться к своему личному океану невозможностей: в конце концов уж кому-кому, а пассажирам люкса долго пропадать не известно где не дадут. Как ни странно, эта моя мысль почти тотчас же подтвердилась. Не успел я и наполовину опорожнить заветную бутылочку, как дверь с шипением приоткрылась и в от-

сек, оглядываясь, зашел человек в форме пилота. Я собрался было вылезти из своего угла и угостить его за мое освобождение, но тут же от этого намерения отказался...

Вошедший достал из-под форменной куртки короткий острый клинок, торопливо вскрыл им створки гудящего шкафа и с размаху метнул свой нож внутрь – аккуратно между стройных рядов каких-то стремительно движущихся деталей. Внутри шкафа что-то треснуло и рабочее гудение прекратилось. Человек воровато огляделся, грубо смял руками, запрятанными в изоляционные перчатки, с десятков тонких пластинок, достал слегка погнутый клинок и закрыл створки шкафа. Когда он повернулся, на его лице было такое кроважное выражение, что я разом протрезвел. Как-то сразу вспомнились ходившие на Луне-Ноль байки про людоедов, обосновавшихся где-то между Марсом и Юпитером и готовых на все ради центнера-другого человеческой плоти. Слава Нейлу, он меня не заметил. И даже забыл захлопнуть за собой входной люк.

Трясаясь словно в лихорадке, я выждал несколько минут и уже поднялся было из-за своего укрытия, как люк вновь распахнулся. В отсеке, осторожно ступая, появился высокий человек в белом капитанском кителе. Он достал из-за пазухи старинный кортик в позолоченных ножнах, наполовину обнажил его сталь, но почему-то остановился, уставившись на покосившийся знак с черепом и костями. Спустя секунду он цокнул языком, бережно задвинул кортик обратно и

исчез, наглухо закрыв за собой люк. Я застонал – надо было сразу показаться ему на глаза! Но от следующей мысли меня захлестнула волна страха: он ведь, как и первый, хотел поломать эту машину! Где я, черт возьми, оказался? Это космический лайнер или дом умалишенных?

Ответом на этот вопрос стало новое хлопанье люка. На этот раз вошедший был в синей форме радиста. В полном смятении я наблюдал, как он обходит один агрегат за другим, держа в левой руке какой-лист, а в правой – метровый стержень. Догадаться, что он здесь ищет, было несложно.

Как только он повернулся ко мне спиной, я на цыпочках проскользнул к люку, выскочил наружу и метнулся в туалетную кабину. Залпом выпив оставшееся виски, я приник к дверной щели и успел заметить, как радист с выражением крайнего удивления на лице захлопнул за собой люк, торопливо вытер пот со лба и, придерживая рукой еле заметный под курткой штырь, покинул пассажирскую палубу через служебный вход.

Я умылся дрожащими руками и постарался успокоиться. Может оно так и надо? Может это учения какие или обычай? Я ведь впервые летел на космическом лайнере. Пошатываясь, я выбрался из кабины и чуть не сбил с ног бортпроводницу. Она несла поднос, на котором дымилась отбивная в окружении жареной картошки и листьев салата. Но мое внимание больше привлек столовый нож, завернутый вместе с вилкой в салфетку не тем концом.

– О! Вот вы где месье! – в голосе девушки было волнение. – Ваш обед уже ждет вас в вашей секции! Если к стандартному набору будут какие-то пожелания, мы их выполним. Только отнесу вот это блюдо мистеру Байону на смотровую палубу.

– Конечно, конечно! – успокоил я ее и двинулся к своей уютной секции. Полог портьеры уже почти сомкнулся за мной, когда я обернулся и увидел, как бортпроводница осторожно прикрывает за собой белую дверь без опознавательных знаков... Но возле моего уютного кресла меня ждал роскошный обед из семи изысканных блюд – и, принявшись за салат с тигровыми креветками, я выкинул из головы всю эту странную историю, решив порасспросить о ней капитана после того, как мы прибудем к Юпитеру.

Следующие четыре дня прошли очень спокойно. Постепенно я познакомился со всеми пассажирами салона. Не понравился мне только сосед из секции напротив: вечно сонный, с небритой физиономией и дорогушим бриллиантовым перстнем, этот господин избегал общения с кем бы то ни было и непрерывно бормотал себе что-то под нос. Остальные – старая дама, владелица половины одного из земных континентов, названием которого я тогда особо не забивал свою голову, ее молоденькая компаньонка с идеальной, самой модной тогда на земных орбитах, фигурой 120– 80– 120, седовласый джентльмен, с десятков лет назад получивший в наследство транспланетную корпорацию «Тиатроник», и да-

же его вызывающе худощавая по орбитальным меркам спутница с длинными ногами и всегда искусственной улыбкой на лице, – все оказались очень милыми и веселыми людьми. Мы болтали о последних событиях светской жизни земных орбит, слегка о политике – так, обсудили раз последнюю выходку работников тихоокеанских гидропонных ферм, вздумавших объявить забастовку... Помнится, тогда я считал ее крайне вредной затеей и искренне не понимал, чего еще этим людям, живущим фактически на еде прямо-таки в курортных условиях, может не хватать.

Мы частенько перебрасывались с джентльменом в старинные картишки, потягивая виски со льдом. А вечером, когда он уединялся со своей пассией в купе, предварительно приняв пару капсул «Термосекса», я перебирался в общество старой леди и ее компаньонки, и мы обсуждали самые разные кулинарные рецепты и подшучивали над пожилым лове-ласом и его содержанкой, страстные крики которой, несмотря на плотную звукоизоляцию, порой можно было слышать даже в общей гостиной.

Впрочем, на шестые сутки полета владельцу «Тиатроника» и его до неприличия страстной подруге пришлось изменить свой обычный распорядок. Мы ускорились за счет гравитационного поля Марса, корректируя при этом курс, а потому еще днем всем пришлось вновь обвязаться ремнями и в течение трех с половиной часов полулежа выдерживать крайне неприятные ощущения, а иногда даже самые настоя-

щие перегрузки в 1.5 G – что было слишком для таких тонких натур, каковыми мы себя считали, не взирая ни на какие вторые подбородки и килограммы жира на бедрах и животе.

К вечеру – который на тот момент из весьма условного понятия окончательно превратился в нечто из области воображаемого – мы, наконец, легли на новый курс, и по этому случаю капитан «Уинстона Черчилля» устроил для нас торжественный ужин на обзорной площадке.

Стол был почти идеально сервирован на восьмерых. Единственным недостатком, стало, пожалуй, только отсутствие зажженных свечей. Остальное: и вилочки для различных видов цитрусовых, и лед, которым частенько пренебрегают даже на самых помпезных раутах, и льняные салфетки – именно льняные, а не ароматно-бумажные, – да и традиционные пять хрустальных бокалов разной величины, каждый из которых предназначен для конкретного напитка, – все было просто великолепно.

Закуски нам были предложены самые что ни на есть традиционные. Маринованные грибы-лисички. Тонко нарезанная ветчина, выложенная на блюде с кусочками индийской дыни канталупо. Карпаччо из средиземноморского осьминога на подушке из помидоров биф и моцареллы. Усыпанный пармезаном салат из крабового мяса, помидоров черри и рукколы, или аругулы, как еще называют это растение семейства крестоцветных с нежными листьями и удивительно аристократическим, с горьковатой ноткой, вкусом. Тонко

нарезанный террин из утиной печени и пластинок сельдерея, укрытый взбитым сливочным маслом и украшенный палочками корицы, инжиром, грецкими орехами. Рядом – весьма остроумно – пюре из чернослива, явно приготовленное с соусом из крепленного португальского вина.

Я не торопясь выложил себе на тарелку для закусок всего понемногу и сделал пару глотков превосходного чилийского красного вина. Многие на орбитах в качестве аперитива уже тогда предпочитали игристое белое, но я всегда считал это первым признаком отсутствия вкуса. Подцепив вилкой кусочек ветчины, я отправил его в рот и тут же удивленно замычал. А закуска то оказалась вовсе и не такой уж традиционной.

– Понравилось? – учтиво улыбнулся мне капитан, отставляя в сторону стакан томатного сока – не поручусь, что в его недрах не таилось чего покрепче, но как бы то ни было, это лучше чем начинать ужин с шампанского.

Я чмокнул губами.

– Еще бы! Где вы сумели найти ветчину из Сан Даниэле? На орбитах ведь сплошь только пармская...

– У нашего лайнера собственная провиантная служба, – пояснил капитан. – И как скоро вы поймете, эти люди могут достать практически все.

– Не знаю, ветчина как ветчина, – проворчал кто-то на дальнем конце стола, и я лишь сейчас заметил, что восьмое место, пустовавшее, когда мы вместе с капитаном корабля

и его первым помощником садились за стол, занял мистер Байон. Тот самый сонный господин с бриллиантовым перстнем, что так не понравился мне с самого начала нашего путешествия.

Капитан только широко улыбнулся ему:

– У нас, у старых вояк, более прагматичный взгляд на все эти вкусовые нюансы, так ведь, мистер Байон? Поэтому я бы порекомендовал вам под вашу водку маринованные грибочки.

Я чуть не подавился салатом. Пузатый бокал для минеральной воды, что держал этот ворчун, был заполнен на две трети. И судя по этикетке на бутылке, которая появилась на краю стола, это была «сибирянка» – мягко говоря, не лучший выбор для культурного застолья.

Мистер Байон покраснел, залпом опрокинул бокал в свою луженую глотку, крикнул и, последовав совету капитана, налег на лисички.

Две симпатичные бортпроводницы, тем временем, подали первое – ароматный суп на кокосовом молоке с филе тюрбо, креветками, сельдереем и сладким болгарским перцем. Я осторожно, исключительно из вежливости, попробовал кусочек филе – на дух не переносил калкана, турецкую разновидность этой рыбы, а балтийская тюрбо, с явными нотками ила, и вовсе вызывала у меня отвращение. Однако «Уинстон Черчилль» продолжал изумлять кулинарными шедеврами.

– Святая Дева Мария! – я всегда доверял своему вкусу, но

в этот раз был настолько потрясен, что торопливо распробовал еще один кусочек филе. – Капитан, в вашей провиантной службе работают волшебники? Где вы сумели достать для супа атлантическую тюрбо?

Капитан довольно улыбнулся.

– О, это как раз было проще всего, мистер Лэнни. У моего приятеля триста миль океанских угодий вблизи Гренландии...

Сидевшая напротив меня пожилая владелица половины континента тут же оживилась и следующие пять минут старательно расспрашивала капитана о его приятеле, а точнее об угодьях последнего. Ее деловой хватке позавидовал бы любой океанический ромбо – так еще называли попавшую к нам в суп хищную рыбу, почти истребленную было подводными браконьерами. Я полностью сосредоточился на супе, тем более что остальные его ингредиенты также оказались выше всяческих похвал.

На второе мне принесли стейк из ишхана – необычайно редкой севанской форели. В качестве гарнира шеф-повар «Уинстона Черчилля» предложил картофельное пюре с пармезаном. Помнится, остальные пассажиры заказали чилийского сибаса – несколько простоватую, но весьма романтическую рыбу, еще в старину прозванную рыбаками морским волком.

Светская беседа, между тем, шла своим чередом. Капитан на пару с первым помощником, который, как оказалось, был

заодно и главным радистом нашего лайнера, отпускал веселые шуточки, владелец «Тиатроника» то и дело шушукался со своей женщиной, белое вино из Эльзаса пьянило тонким ароматом розовых лепестков. Лишь мистер Байон мрачнел на глазах, непочтительно ковыряя вилок кабанятину под сверхъестественным соусом с черным перигорским трюфелем, и то и дело прикладывался к своему пузатому стакану.

– А вот интересно! – вскричал он вдруг, откинувшись в своем кресле и обводя общество неожиданно трезвыми глазами. – Эти людоеды, что бесчинствуют где-то в этих пространствах, они тоже любят гурманить или у них все brutally?

– Мистер Байон, ну вы же разумный челове-ек... – протянул первый помощник. – А верите во всякую чушь. Какие людоеды, о чем вы?

– Те самые!... – неожиданно свистящим шепотом отвечал мистер Байон. – Которые крутятся где-то в астероидах и жрут человечину на десерт.

– Действительно, капитан, – оторвался от разговора со своей спутницей владелец «Тиатроника». – Мне тоже доводилось слышать нечто подобное от компаньонов. Пора уже рассказать нам всю страшную правду.

Было видно, что он с трудом сдерживает ухмылку.

– Правда заключается в том, – размеренным тоном, явно подыгрывая старому ловеласу, начал капитан, – что людоеды уже давно среди нас. Более того, некоторые из них обосо-

вались прямо здесь, на нашем лайнере...

Мы весело рассмеялись, видя, как вытягивается и краснеет лицо мистера Байона. Впрочем, когда я говорю «мы», то имею в виду пассажиров. И капитан, и его первый помощник в лучших традициях драматического театра сохраняли на лицах невозмутимо каменное выражение.

– А если серьезно, – продолжал капитан. – То, конечно, никакой базы людоедов нет и не было. Это все плод большого воображения тех, кому приходится полгода тащиться к поясу астероидов на обыкновенных рейсовиках. Право слово, спор о том, на каком из полюсов Юпитера живет Санта-Клаус, и то интереснее этих побасенок.

И недрогнувшей рукой он поднял бокал белого вина.

Возникла неловкая пауза, но тут как раз подали десерт. Мистер Байон отодвинул предложенную ему бортпроводницей вазочку с фруктами, что-то буркнул и, не откланявшись, удалился. Мы проводили его неодобрительными взглядами, и разговор за столом вернулся в прежнее, спокойное русло. Я блистал, во всей красе демонстрируя свои знания различных сортов дынных яблок и марок шампанского, что были предложены дамам. Владелец «Тиатроника» раскурил сигару – это, пожалуй, одна из главных привилегий путешествующих на лайнере – и, попивая арманьяк из кубического стакана, увлеченно спорил с капитаном о том, какова в этом году будет динамика индекса на астероидные металлы. А еще мы все любовались величественными панорамами Марса, огня-

ми станций на знаменитой горе Олимп и ажурными фермами поселений на Фобосе и Деймосе. Бортовые системы «Уинстона Черчилля» записали все это во время наших последних маневров. Немного поболтав еще о всякой ерунде, мы разошлись по своим каютным отсекам. Я устроился поудобнее в кресле и на всякий случай пристегнул все ремни – последняя болтанка вновь заставила меня вспомнить об опасностях полета – и не успел просмотреть и десятка любимых мною тогда музыкальных клипов, как задремал.

Проснулся я от того, что кто-то весьма непочтительно тряс меня за плечо.

– Мистер Лэнни! Мистер Лэнни! Капитан срочно просит вас в рубку!

Плохо соображая спросонья и кое-как открепившись, я позволил взять себя под локоть бортпроводнице – той самой, что в первый день пребывания на лайнере напутала с ножом при сервировке подноса. Мы миновали несколько люков, дважды поднялись по трапу и очутились в огромной комнате, уставленной разнообразной техникой. Посередине помещения за массивным пультом, обращенным к дальней стене, которую занимал огромный компьютерный экран, вполоборота к нам сидел капитан. Рядом, выбивая дробь на клавиатуре, располагался первый помощник, в углу, в отгороженной ото всех кабине виднелась фигура пилота.

– Добро пожаловать, Лэнни, – тон кэпа показался мне не слишком-то приветливым. Он поднялся из своего кресла и

указал рукой на экран. – Я хотел бы узнать, что это значит?

На панели крупными буквами горели строки переговоров «Уинстона Черчилля» с неким «Неопознанным объектом «W-A-11». В глаза сразу же бросилась строчка в самой середине:

«У вас проблемы с набором скорости, капитан. Мы их можем решить, если к нам на борт на одни земные сутки поднимется ваш пассажир, ведущий шоу «Cool!!!инария».

Я протер глаза и на всякий случай ущипнул себя за ухо. Весь этот бред и не подумал развеяться.

– Я... я... я не знаю, – растерянно пробормотал я. – А что это там говорится насчет проблем?

– Понятно... – капитан сделал движение бровями, и бортпроводница усадила меня в какое-то кресло, протянув серебристую фляжку. Я автоматически отхлебнул и тут же начал хватать ртом воздух – во фляге была та самая сибирянка, которую так жадно поглощал за ужином Байон. Впрочем, это окончательно привело меня в чувство.

Капитан, тем временем, знаком выпроводил девушку из рубки и подошел ко мне вплотную.

– У нас произошла поломка одного агрегата, из-за чего мы не сумели накопить достаточно энергии для рывка к Юпитеру. Развернуться в сторону Марса в силу конструкции лайнера мы не можем, так что придется теперь ползти до ближайшей юпитерианской станции месяца три... Без должной пылевой защиты и очень многих вспомогательных систем, –

кэп, похоже, думал поразить меня своим сообщением. «Нашел чем испугать человека, выпустившего в прямой эфир свыше тысячи передач! – самонадеянно подумал я:

– И эти непознанные обещают помочь, если я поднимусь к ним на борт? А кто они вообще такие?

Капитан оглянулся на своего первого помощника, оттянул воротник кителя, словно ему было трудно дышать, и будничным голосом сообщил:

– Это те самые неоканнибалы, о которых шла речь за ужином.

– Неока..., – смысл его фразы не сразу дошел до моего сознания. Я порывисто вскочил:

– Те самые людоеды???

Капитан с силой ухватил меня за плечо и усадил обратно в кресло.

– Не людоеды, а неоканнибалы. Вы же журналист, Лэнни, да к тому же ведущий кулинарного шоу – вы должны понимать такие тонкие различия! Неоканнибалы питаются не людьми, а искусственно выращенными тканями собственного тела. Так ведь, Энтони?

Первый помощник, маячивший за спиной капитана, едва заметно вздрогнул, нажал несколько клавиш и бесстрастно ответил:

– В общих чертах верно, капитан. Кстати, они снова на связи. Включить трансляцию?

При слове «трансляция» я разом подобрался, и когда на

экране появилось округлое лицо какого-то типа, уже полностью держал в себя в руках.

– Рад вас видеть, капитан, – вкрадчиво заговорил неизвестный. – Надеюсь, вы приняли правильное решение?

– Прошу прощения, сэр, но я не могу принимать решения за своих пассажиров, как бы мне этого ни хотелось, – капитан уже успел перебраться за свой пульт. – Думаю, мистер Лэнни сам ответит на ваше предложение.

Я на негнущихся ногах подошел к пульту. Физиономия на экране тут же расплылась в улыбке.

– О, мистер Лэнни! Здравствуйте. Меня зовут Рио Таллerton. Вы не представляете себе, как мы рады!

– Я тоже рад, – довольно сухо ответил я. – Только не пойму, зачем понадобился вам на этой вашей секретной базе?

Круглолицый, не переставая улыбаться, двинул бровями.

– О, мистер Лэнни, это же очевидно. В наших краях не каждый день появляются такие телезвезды. Мы бы очень хотели, чтобы пока наши техники помогают с починкой лайнера, вы погостили у нас и подготовили спецвыпуск вашего шоу, посвященный нашей кухне, о которой распространяются лживые слухи. Мы гарантируем вам полный эксклюзив!

– Но у меня же нет с собой никакого оборудования! – я сделал расстроенное лицо, решив потянуть время и лихорадочно соображая, чем может грозить мне отказ нанести визит этому доброжелательному людоеду. Разумеется, я не верил ни единому его слову. Но, так или иначе, похоже, выбора

у меня не было. Чтобы там не говорил капитан, небольшое устройство в его руке, в котором без труда узнавался супермодный тогда на орбитах Rocket Gun с парализующими дробиками, весьма ясно давало понять, что выбрать я могу лишь то, в каком состоянии окажусь у неоканнибалов.

– Мистер Лэнни, какие пустяки! В вашем распоряжении будет самое современное оборудование! – заливался, между тем, круглолицый. – А если чего не окажется, то в течение считанных часов недостающая техника будет изготовлена в наших мастерских. Поверьте, у нас тут практически безграничные возможности!

– Отлично! – как можно небрежнее начал я, – Мне потребуется три камеры формата Mega Orbital View, переносная монтажная студия класса А, три основных и три запасных блока видеопамати объемом в 500 терабайт...

Далее я по памяти озвучил как можно более полный список агрегатов нашей основной вещательной студии на Луне-Ноль. Впрочем, все мои старания пропали втуне. Круглолицый по-прежнему продолжал улыбаться.

– Мистер Лэнни, считайте, что все названное вами уже готово к работе. Как я уже говорил, мы хотели бы, чтобы вас сопровождал господин радист, в качестве гарантии того, что экипаж лайнера не будет предпринимать против нас никаких опрометчивых действий, а также не попытается сообщить о координатах нашего местопребывания. Мы готовы выдвинуть стыковочный рукав прямо сейчас.

– Это замечательно, господин Таллертон, но я не отдам приказа на стыковку без выполнения одного встречного условия, – вмешался вдруг в разговор капитан.

Круглолицый нахмурился.

– За организацию визита мистера Лэнни мы починим ваш, с позволения сказать, лайнер, капитан. Чего вам еще надобно?

Капитан привстал, опершись руками на пульт.

– Я не отпущу своего пассажира и ключевого члена экипажа корабля к вам одних, – процедил он сквозь зубы. – Проследить за вашими роботами вполне может и Фаж Лизье, наш пилот. Так что я отдам приказ на стыковку лишь в том случае, если сопровождать мистера Лэнни будет не только мой первый помощник, но и я.

Круглолицый задумчиво пожевал губами и вдруг улыбнулся:

– Пожалуй, это будет нам очень даже полезно.

Стыковка с базой неоканнибалов, огромной глыбой диаметром не менее 80 километров, заняла примерно час по нашему корабельному времени. Облаченные в тяжеленные скафандры мы пролетели по тоннельному переходу метров сто и один за другим миновали несколько внешних шлюзов – однообразных сферических камер с тусклым освещением. Наконец, они закончились и, мокрый как водоросль, я вывалился вслед за капитаном и его помощником в какое-то помещение, ярко залитое светом. В наушнике скафандра раз-

дался удивленный свист капитана. С трудом отдышавшись, я сфокусировал взгляд и застыл от изумления. Мы оказались по колено в самом настоящем снегу, который плотным ковром покрывал все раскинувшееся перед нами пространство и играл миллионами бриллиантовых огней. Вокруг лучился солнечный свет, словно мы вдруг оказались где-то в Альпах. Прямо у наших ног начиналась кем-то старательно вытоптанная тропинка, убегаящая вверх по небольшому склону, поросшему кустарником и невысокими пушистыми соснами. Над вершиной снежного холма курился белесый дымок.

В наушниках раздался странный щелчок. И я с ужасом увидел, как первый помощник капитана «Уинстона Черчилля», пренебрегая элементарными мерами безопасности, снимает шлем скафандра.

– Что вы делаете, командор?! – завопил я, но в ответ услышал лишь еще один щелчок.

– Не волнуйтесь, Лэнни, Энтони гораздо лучше нас с вами знает, что надо делать.

И с этими словами капитан также бесстрашно снял с головы шлем и вдохнул воздух полной грудью.

– Ух, красота... – проговорил он, беззаботно потягиваясь, словно оказался не на базе каннибалов, а в Йеллоустонском национальном парке. – Энтони, как думаешь, нам ведь прямо по тропинке?

Первый помощник едва заметно качнул плечами и, как мне показалось, настороженно прищурился. Между ним

и капитаном определенно возникло какое-то напряжение. Словно они играли в какую-то хитроумную, полную двойных, а то и тройных смыслов, словесную игру.

– В любом случае, на этот дым. Если, конечно, мы хотим как можно быстрее добраться до Юпитера.

Он пошел вперед, вздымая кружевную взвесь снежинок, медленно опадающих вниз – гравитация внутри базы поддерживалась, но была явно меньше земного стандарта. Мы двинулись следом. Где-то на середине подъема капитан переложил шлем в левую руку и как-то странно содрогнулся всем телом, будто от жуткого холода. И хотя он тут же обернулся ко мне и ободряюще подмигнул, я мысленно похвалил себя за то, что так и не разгерметизировал скафандр.

Впрочем, странная судорога капитана почти тут же вылетела у меня из головы – всего через несколько легких шагов, которые на орбитах, как и на Земле, посчитали бы скорее пружинистыми прыжками, мы с капитаном оказались на вершине склона, легко догнав отчего-то задержавшегося здесь Энтони, и вслед за ним потрясенно замерли на месте.

Шагах в двадцати от нас, на краю полянки, образованной двухметровыми сосенками, на зеленых лапах которых лежали пласты искрящегося снега, расположился древний камин. В нем горел огонь, да, да самый настоящий открытый огонь! Дым вырывался из каменной трубы, венчавшей этот раритет. Рядом с камином простиралась каменная площадка, на ней стояло роскошное кресло, напоминающее трон. С бока-

лом красного вина в руке на его высокую спинку вальяжно откинулся грузный человек в белой одежде. Ничего больше я заметить не успел, поскольку все мое внимание сосредоточилось на том, из-за кого мы все трое и остолбенели: на огромном тигре, у лежанки которого в центре поляны и заканчивалась аккуратно вытоптанная тропинка. Зверь с лентой рассматривал нас, приподняв голову и едва заметно помахивая хвостом, затем рывком поднялся и оскалил пасть.

В наушниках раздалось тихое, но от этого ничуть не менее угрожающее рычание.

– Какой милый котенок, – негромко протянул капитан. – Интересно, он тоже людоед?

Тигр еще раз рыкнул и мягко перепрыгнул к камину. Только тогда человек в кресле, наконец, оторвался от задумчивого созерцания вина и встал к нам навстречу, потрепав тигра по холке. Это, конечно же, был Рио Таллертон, в белоснежной форме с золотым поясом и таким же золотым погоном на правом плече. Его губы расплылись в широкой улыбке, и он торопливо начал что-то говорить.

– Мистер Лэнни, вы можете снять шлем, господин Таллертон гарантирует вам полную безопасность, – раздался в наушниках голос Энтони.

Я с сомнением покосился на тигра, но журналистская любознательность все же одолела природную осторожность. Теплый, будто напоенный солнцем, воздух приятно защекотал ноздри сосновыми ароматами. Я глубоко вздохнул.

– Добро пожаловать в наш мир, мистер Лэнни! – воскликнул Таллертон. – Можете звать меня просто Рио. И не беспокойтесь, Гасым вас не тронет.

Думаю, ответная улыбка у меня получилась натянутой. Мало того, что мы оказались на тщательно скрывающейся от орбитального правительства базе неоканнибалов, так тут еще и хищная зверюга, наверняка с людоедскими наклонностями, да к тому же откликающаяся на имя самого сумасшедшего и безжалостного террориста прошлого века.

Снег рядом с циновкой, на которой возлежал тигр, дрогнул и из-под земли поднялась вместительная кабина.

– Прошу вас, господа, – взмахом руки пригласил нас в нее Таллертон. Мы оставили тигра возле камина, в котором все также расточительно трещал открытый огонь, и устремились куда-то вниз, в окружении зеркал и золотистых портьер. Таллертон беззаботно сыпал бородатыми шутками, я из вежливости улыбался, а Энтони и капитан напряженно застыли, прислонившись спинами к стене кабины. Спуск длился минут пять. Наконец, лифт дрогнул, плавно затормозил, и мы увидели самый обыкновенный коридор – точно такие же можно встретить и в Луне-Ноль, и в орбитальных и суборбитальных мегакомплексах.

Таллертон вышел первым, затем последовали мы с капитаном. Первый помощник почему-то замешкался и не успели мы и глазом моргнуть, как между ним и нами резко опустилась прозрачная створка.

– Эй, Рио, что за шутки? – возмутился я. Энтони тем временем спокойно сложил руки на груди. На лице его явно читалось мрачное неудовольствие.

– Мистер Лэнни, это всего лишь простая мера предосторожности, – развел руками Таллертон. – Вместе эти двое неизвестно что могут тут натворить. К тому же, мы ведь сразу предупредили, что первый помощник капитана будет не гостем как вы, а заложником.

– Все будет отлично, мистер Лэнни, – раздался в наушнике голос Энтони. – Только сделайте поскорее работу, которую они вам заказали, и мы тут же уберемся подальше от этих извращенцев...

Я в растерянности повернулся к капитану. Тот задумчиво пожевал губами.

– Энтони, ты уверен, что у тебя все хорошо?

– Да, капитан. Мы же знали, на что я иду. А весь этот драмтеатр, – он выразительно кивнул головой на перегородку из стеклостали, – это же из-за отсутствия вкуса...

– Господа, нам пора. Вам ведь еще нужно переодеться, – сладко протянул Таллертон и нажал на пряжку своего золотого пояса. Створки лифта сошлись – и он двинулся куда-то дальше вниз.

Таллертон провел нас в просторное помещение, где мы, наконец, смогли снять скафандры, принять освежающий душ и переодеться в свежую одежду. Каждому из нас на выбор была предложена дюжина самых различных костюмов. Я

выбрал самый роскошный, темно-синий, с искрой, капитан же облачился в белый, похожий на его капитанскую форму, оставшуюся на борту лайнера. Затем, по просьбе Таллертонна, мы позволили отсканировать свои отпечатки пальцев – для чего нужно было сунуть обе руки в специально проделанную в стене узкую щель крайне подозрительного вида. Легкое покалывание сканирующего устройства, на удивление, оказалось даже приятным, хотя капитану, похоже, процедура все равно не понравилась.

– Зачем это все? – пробурчал он с недовольным видом, держа руки, словно хирург перед операцией, и внимательно их разглядывая.

– Успокойтесь, мы просто внесли ваши данные во внутреннюю базу данных, чтобы вам не пришлось звать меня каждый раз, когда потребуется открыть какую-нибудь дверь в коридорах центральной сферы нашего мира.

С этими словами Таллертон нажал красную кнопку в стене гардеробной, и перед нами открылась высокая стрельчатая арка, дающая начало длинному коридору, конец которого, казалось, был залит солнечным светом. Мы прошли по нему, сопровождаемые гулким эхом собственных шагов, и оказались на террасе, под которой раскинулся заснеженный горный склон, поросший высоченными темными елями. Внизу поблескивали три озера, покрытые льдом.

– Откуда такая страсть к зимним пейзажам? – спросил я, удивленно качая головой.

– О, мистер Лэнни, все на самом деле очень просто – мы тут стараемся соблюдать времена года, характерные для того места на Земле, где родился основатель нашего движения, великий Линк Тропп.

Спускаться вниз, мы слава Нейлу, не стали, углубившись в лабиринт многочисленных однотипных коридоров. И на одном из перекрестков вдруг столкнулись с огромным роботом, который выглядел бы крайне смешно и нелепо, если бы не десяток стволов крупного калибра, торчащих из его металлического кожуха, представляющего собой почти правильную сферу.

При виде нас робот натужно повернулся и хищно передернул затворами.

– Страж, ты что тут делаешь? – удивился Таллертон.

В ответ раздался какой-то скрип. На Луне-Ноль так скрипят велотренажеры, когда на них взгромождается какой-нибудь весьма упитанный местный житель.

– Поня-ятно. Этот балда Торкинс опять перепутал сектора, – проворчал Таллертон и поднес к губам запястье с микрофоном. – Торкинс, я понимаю, у тебя там опять учебная тревога, но это не повод отправлять 11-го стража вглубь жилых секторов!

Он помолчал, явно вслушиваясь через наушник в ответ.

– Ну хорошо. Я сам уж тогда его перенаправлю.

Он снова нажал что-то на пряжке ремня, робот вновь что-то невнятно проскрипел и заторопился в ту сторону, откуда

и появился, выделявая по коридору забавные зигзаги.

– Весьма внушительная боевая единица, – заметил капитан. – Для чего это вам внутри станции такой агрегат, господин Таллертон? У вас тут война с кем-то идет?

– Да какая там война! – раздраженно бросил Таллертон, уверенно сворачивая направо и потирая подбородок. – Так, очередная проверка боеготовности, которую мы... кхм... совместили с вашим прибытием. И кое-кто дал неверное направление одному из роботов станционной обороны, каждый из которых... – слово «каждый» Таллертон произнес с непередаваемо угрожающим нажимом, после чего весело улыбнулся. – Каждый из которых, как вы весьма справедливо заметили, капитан, представляет собой крайне внушительную боевую единицу.

Спустя несколько минут мы очутились в отлично обставленной эфирной студии.

– Техника настроена и готова к работе, так что можем приступать к съемкам хоть сейчас, – Таллертон с довольным видом уселся за стол, один в один копировавший тот, что был установлен в студии нашего канала на Луне-Ноль.

– А что экскурсии у нас никакой не будет? – невинно поинтересовался капитан, который всю дорогу внимательно осматривался по сторонам.

– У нас очень большой мир, капитан, а у вас очень мало времени, – с улыбкой отвечал Таллертон. – Так что видами лучше полюбоваться на этом замечательном экране. Приса-

живайтесь, господа.

Он взмахнул рукой, и на стене позади него возникла огромная панорама того заснеженного склона, мимо которого мы прошествовали по дороге сюда. Камера медленно скользила вперед мимо живописных утесов и вдруг экран неожиданно погас. А затем на нем появилось взволнованное лицо неизвестного нам человека на фоне какой-то рубки.

– Рио, у нас тут опять внештатная ситуация, – коротко доложил он.

– Что, опять работа не туда отправили, Торкинс?

– Эммм... Ну тут как бы это..., – промямлил тип на экране, выразительно двигая бровями.

– Торкинс, не стесняйтесь и отвечайте прямо, что случилось! Мы только что терраформировали Юпитер?

– Нет, Рио. Тут у нас лайнер на связи и он... В-общем, мадемуазель заявляет, что он захвачен и требует связи с бывшим капитаном корабля!

– С бывшим! Как интересно, – протянул капитан, вставая из своего кресла с совершенно невозмутимым видом. – Господин Таллертон, ваши люди могут переключить эту мадемуазель на нас и не вмешиваться в наш с ней разговор?

Нахмурившийся Таллертон махнул Торкинсу – и на экране появилась бортпроводница «Уинстона Черчилля» со странной красной повязкой на голове.

– Повторяю, наша революционная группа захватила лайнер и всех его пассажиров! Я требую немедленной связи с...

Тут девушка замолкла, увидев, по всей видимости, новую картинку.

– Ага! Господин капитан собственной персоной! — вскричала она и ее глаза сверкнули мстительным торжеством.

– Сюзанна! Сюзанна!.. – капитан нахмурился и прижал палец к уху. – Я ничего не слышу, Сюзанна!.. Что там у вас случилось? Мне даже никто не объяснил толком из-за чего вызов!

Бортпроводница на миг даже задохнулась, потом ее лицо вплотную приблизилось к экрану:

– Мы полностью захватили лайнер и если ваше поганое правительство...

– Сюзанна, ничего не слышно! – продолжал гнуть свое капитан. – Ну, включите, наконец, помехоподаватель! Это большая красная кнопка слева от вас!

Он обернулся к нам с Таллертоном, застывшим в полном изумлении, и раздраженно добавил:

– И чему их там только в академиях учат!

Бортпроводница дернулась в сторону, затем раздался негромкий хлопок – словно кто-то открыл бутылку неохлажденного шампанского. Девушка непонимающе глянула на нас и вдруг исчезла из поля зрения.

– И чему их только в академиях учат, – повторил капитан, усаживаясь обратно в свое кресло. – Трансляцию можно завершать, господин Таллертон, Сюзанна нам больше не помешает.

– Но она же говорила о какой-то революционной группе...

– Блеф это все, типичный блеф книжного игрока¹. Она действовала в одиночку.

– Но вы ведь ее не убили? – воскликнул я, вмешиваясь в этот на удивление спокойный диалог.

– Успокойтесь, мистер Лэнни, это был всего лишь сонный газ. Вот если бы до нее успел добраться Байон... Он так церемониться с террористами точно бы не стал...

– И все же, если вы не против, мы пока заблокируем шлюз, к которому пристыкован ваш лайнер, – ласково улыбнулся Таллертон и щелкнул пальцами в сторону экрана. Торкинс, внимательно слушавший наш разговор торопливо кивнул, и перед нами вновь раскинулась снежная панорама. – Итак, мистер Лэнни, я в вашем полном распоряжении и готов ответить на любые вопросы о нашей, надо признать, весьма необычной кухне. Съемка уже началась и уверяю, ее качество будет на самом высшем уровне.

Я откашлялся в кулак и решил не ходить вокруг да около.

– Отлично, Рио. Вы здесь представляете секту так называемых неоканнибалов, про которую на орбитах ходят самые зловещие слухи. Вы что и в самом деле едите людей?

Таллертон улыбнулся.

– Вовсе нет, Лэнни! Мы же не какие-то там каннибалы – так что не волнуйтесь, капитан вашего лайнера не повторит

¹ Игроков в покер, играющих в целом правильно, но очень примитивно, покнижному зовут *книжными* или *abc-игроками* (abc player).

судьбу знаменитого Кука.

– Но почему тогда неоканнибалы?

– Да потому, что мы считаем правильным употреблять в пищу мясные блюда, приготовленные из специально выращенных в искусственной среде человеческих органов.

Я с трудом подавил приступ тошноты.

– То есть весь ваш неоканнибализм заключается лишь в том, что вы поедаете не натуральную, а искусственно выращенную человечину?

– Не совсем так, мистер Лэнни, – Таллертон мягко сложил пальцы на уровне груди. – Каждый из нас, а численность нашей станции на сегодня составляет более тысячи человек, каждый из нас ест исключительно то, что приготовлено из его собственного биологического материала.

– То есть вы занимаетесь самоедством в прямом смысле этого слова?

– Самоедство? – Таллертон удивленно повел бровью. – Да называйте, как хотите, главное здесь то – что мы ведем здоровый образ жизни в отличие от жителей орбит, погрязших в обжорстве, и жителей Земли, перебивающихся водорослевыми хлебцами.

– Простите, мистер Рио, – не выдержал капитан «Уинстона Черчилля», – Но, по-моему, в обжорстве погрязли жители далеко не всех орбит.

– Вы хотите сказать, что юпитерианские станции вновь начали отчислять налоги орбитальному правительству? – иро-

нично парировал этот выпад Таллертон.

– И как вы себе на вкус? – я тогда очень не любил все эти политические разговоры и как в своем шоу, так и в жизни старался от них уходить.

Рио Таллертон улыбнулся.

– О, нет слов!.. Если говорить о мясе, то по сравнению с говядиной собственное на порядок слаще.

– Но ведь вся эта сладость, наверно, жутко дорого обходится?

– Гениальный Линк Тропп, которого мы считаем своим учителем, позаботился о том, чтобы его последователи могли идти обозначенной им дорогой.

Я еле удержался от замечания, не о том ли полубезумном профессоре речь, что является персонажем мультсериала, уже свыше пяти лет крайне популярного на орбитах.

– У вас, конечно, искаженное представление об этом великом человеке – враги десятилетиями втапывали его имя в грязь, поэтому я изложу вам истинную историю – исключительно для понимания наших воззрений, в том числе и в области кулинарии. Мы прекрасно понимаем, что вам никто не позволит выпустить этот рассказ в эфир.

Он порывисто встал, и следующие полчаса мне оставалось только кивать и вставлять весьма многозначительные реплики вроде «угу».

Нет смысла пересказывать биографию Троппа – она и так широко всем известна – но надо сказать, что Таллертон

донельзя ее приукрасил. Его рассказ сопровождался яркими иллюстрациями на экране. Вся эта лекция с картинками представляла профессора как непримиримого борца за здоровый образ жизни. Даже меня, опытнейшего, как я тогда считал, журналиста она проняла. В отличие от капитана, который мрачнел с каждой минутой.

– Сдается мне, у вас крайне искаженное представление о воззрениях Линка Троппа, – громко возразил он, как только Таллертон закончил свой рассказ.

– Это почему же? – искренне удивился Рио, явно не ожидавший подобной реакции. Я был удивлен не менее, но решил промолчать – в конце концов, все ведь происходило под запись.

– Вы путаете крайне неудачный инструментарий политической борьбы профессора Троппа с его идеологией, – отчеканил капитан. – Разве в своем манифесте «Пять шагов в будущее» он не раскрыл...

– Капитан, капитан... – с укоризной перебил его Таллертон. – Вы же взрослый и на первый взгляд адекватный человек! Какие пять шагов? Какой манифест? Это все выдумки людей, которые даже в глаза не видели профессора! Можете мне поверить, никакого такого манифеста нет! Мы располагаем самой полной библиотекой трудов Линка Троппа, в том числе его личным архивом. Если бы манифест существовал, он бы, безусловно, входил в эту библиотеку. Но ничего подобного в архиве профессора нет!

– Выдумка, говорите? – Капитан пожал плечами. – Что ж, весьма удобная позиция. Говорят, ее очень обожают земные страусы. Спрячут голову в песок и думают, что их никто не видит.

– Давайте оставим в покое несчастных страусов, – попробовал я разрядить обстановку. – Лучше объясните мне, Рио, это ваше самоедство распространяется только на блюда из... эээ... мясных волокон? Или ваша кухня более разнообразна?

Таллертон бросил было раздраженный взгляд на капитана, но быстро взял себя в руки.

– Конечно же, она крайне разнообразна, – улыбнулся он, снова входя в роль радушного хозяина и крайне уверенного в себе человека. – Взять хотя бы...

Тут он неожиданно умолк, а затем довольно потер руки.

– Впрочем, что это мы все лишь болтаем! Обед накрыт, и я с удовольствием продемонстрирую вам самые изысканные блюда нашего мира! Хотя моего мяса отведать вам, конечно, не удастся.

Он довольно рассмеялся и жестом пригласил нас к открывшейся справа арке.

Мы очутились в просторном зале, украшенном по стенам полотнами с затейливыми рисунками. Длинный дубовый стол в его центре был покрыт белоснежной скатертью и заставлен разнообразными блюдами. В красивых серебряных подсвечниках горели свечи. Во главе стола виднелась

закрепленная на штативе камера. В воздухе ощущался терпкий аромат смолистых можжевельных веток.

К моему удивлению, среди предложенных нам хозяевами разномастных закусок не оказалось ничего мясного или рыбного. Отсутствовали и какие-либо морепродукты. Даже маринованных водорослей – мелочи, сопровождающей застолье любого, в том числе самого звездного, уровня – на столе не было. Но зато в узком салатнике, подумать только, лежала черемша! «Они бы еще репу предложили», – подумал было я и тут увидел желтоватую пюреобразную массу, украшенную кружочками этого самого корнеплода.

– Мы стараемся разделять овощные, мясные и фруктовые блюда, – пояснил Рио Таллертон в ответ на мой недоуменный взгляд. – И не приемлем любые кулинарные изыски последнего века, имеющие океанское происхождение. Прошу, господа, угощайтесь! Я бы рекомендовал вот этот замечательный картофельный салат с кусочками жареного топинамбура.

Я не спеша попробовал с десятков предложенных салатов. Большинство из них были весьма оригинальны – из-за все той же манеры местных поваров использовать давно вышедшие из массового употребления овощи и корнеплоды, а иногда даже стебли растений. Зато предложенное нам красное вино было безупречно классическим, как и подобает любому тосканскому.

Спустя некоторое время Таллертон, без умолку работав-

ший на камеру, объясняя, как и из чего было приготовлена та или иная закуска, встал и аккуратно снял с поднявшегося из-под пола сервировочного столика поднос с дымящимися тарелками. Нам с капитаном был предложен овощной суп-пюре, основой которого служил куриный бульон. А вот сам Рио с невозмутимым видом принялся за ярко красный суп, с фасолью и кусочками мяса, как он пояснил, его собственного.

– И сколько времени уходит у вас, чтобы вырастить достаточно... плоти для поедания? – поинтересовался капитан.

– Это зависит от множества факторов... На мышечные волокна уходит чуть больше суток...

– А куриный бульон разве не противоречит принципам вашего кулинарного искусства? – не преминул поинтересоваться и я.

– Что вы мистер Лэнни! Какие противоречия, если он проходит у нас как приправа?

На горячее Таллертон, в момент управившись со своим супом, подал нам жареную печень: мне по-провансальски, капитану по-строгановски. На взгляд непосвященного различия между двумя этими блюдами практически отсутствовали, но они, конечно, были весьма существенны и я, безусловно, сумел оценить, что они сводятся не только к различной форме аппетитных кусочков.

– Ммм... Рио, как вы сумели так кардинально изменить вкус куриной печенки? – поинтересовался я, с аппетитом

прожевав пару кусочков, упрятанных в жареном луке, прямом тимьяне и – весьма пикантно – небольших листьях щавеля. И только тут заметил, что камера повернута в мою сторону, а Таллертон с интересом смотрит на то, как я ем. Я зацепил вилкой листик щавеля и манерно отправил его в рот. Возникла некоторая пауза. Нарушил ее капитан, своей вилкой варварски размявший идеальный брусочек печенки.

– Сдается мне, мистер Лэнни, что это вовсе не куриная печенка, – вполголоса проговорил он.

– А что же это? – весьма легкомысленно спросил я, отправляя в рот еще один кусочек превосходно прожаренной печени.

Таллертон дождался, пока я его проглочу, и торжественно объявил:

– Могу поздравить вас, мистер Лэнни, с приобщением к нашей культуре!

Я недоуменно уставился в свою тарелку.

– Они взяли образцы наших тканей во время так называемого сканирования отпечатков пальцев, – буднично заметил капитан.

Только тут до меня дошел смысл сказанного Таллертоном. Не скажу, что испытал какой-то сверхъестественный шок, но в любом случае потрясти меня ему удалось. Хотя после того, как я в прямом эфире попробовал тайландских личинок, казалось, что подобное уже невозможно.

– Хмм... Надо... надо признать, вкус действительно

необычный, – протянул я, вспомнив про включенную камеру и призывая на помощь всю свою журналистскую выдержку. – Но ведь по идее она, как и человеческое мясо, должна быть чрезвычайно сладкой?

Таллертон с улыбкой погладил подбородок, и камера плавно повернулась в его сторону.

– Конечно же, тут все крайне непросто. Начиная с крайне сжатых сроков приготовления семи видов необходимых клеточных тканей и заканчивая секретами обработки перед процессом приготовления, – сказал он, явно наслаждаясь происходящим. – Я могу открыть только некоторые из них...

Тут позади него с шумом распахнулась тщательно замаскированная дверь – и в зал, гремя колесами, вкатился боевой робот, точь-в-точь такой, какого мы встретили в коридоре по пути сюда. Капитан, все же рискнувший попробовать блюдо из собственной печени и с недовольным видом только-только проглотивший первый кусок, мгновенно бросился под стол. Робот чуть сдвинул одну из пулеметных турелей и короткой очередью вдребезги разнес телекамеру.

Мы с Таллертоном застыли на своих местах, боясь пошевелиться. Робот тоже замер, и лишь тихое завывание пулеметных турелей, синхроннодвигающихся то влево, то вправо, давало понять, что он по-прежнему работает.

– Торкинс, – просипел Таллертон, осторожно отъезжая в своем кресле подальше от стволов, выскивающих новую цель. – Торкинс!

В зал вбежали четыре человека в красных комбинезонах с какими-то трубками наперевес, и рассредоточились позади робота, по двое с каждой стороны. При виде этих людей Таллертон прекратил движение и, закрыв глаза, застонал. А я с удивлением обнаружил, что вслед за капитаном исчез и его стул.

В коридоре раздались чьи-то гулкие шаги – и из-за робота появился человек в скафандре нашего лайнера. Он сделал движение рукой, и один из стволов робота мгновенно замер. Раздался оглушительный выстрел, и ближайшая к Таллертону свеча вмиг потухла, чадя оплавленным воском.

Вошедший вскинул к предплечью сжатый кулак – словно спортсмен, добившийся очередного успеха. Потом поднял вторую руку и беззаботно снял с головы шлем. Я чуть не ахнул – на нас торжествующе глядел пилот скоростного лайнера «Уинстон Черчилль» Фаж Лизье!

– Добрый вечер, дядюшка! – со злой издевкой произнес он. – Я надеюсь, ты уже успел удовлетворить свое чванство? А то нам с ребятами не терпится испробовать твой желудок, фаршированный твоим же сердцем и мозговыми оболочками.

Боевики дружно загоготали. Таллертон посерел.

– Надо было настоять тогда на аборте, – взбешенно прорычал он, приподнимаясь из-за стола. Четверка у входа торопливо щелкнула затворами своих смешных трубок.

– Спокойно, спокойно... – поднял руку пилот. – Этот сыч

уже не опасен.

Он повернул голову ко мне.

– Мой дядя, конечно, ничего не рассказал вам о нас, истинных последователях Линка Тропа?

Я помотал головой.

– Мы уже лет пять как отказались от их убого старческого самоедства и предпочитаем есть других людей. Само собой, уважаемых и знаменитых. И сегодня благодаря мне, мы получили не только образцы клеток десятка тысяч орбитальных знаменитостей, но и главный биологический реактор, а вместе с ним и центральную генотеку станции!

Таллертон рухнул в кресло, словно из него выпустили воздух.

– Да, да, дядя! И можешь сколько угодно взывать по внутренней связи к диспетчерской – твой Торкинс уже давно переметнулся на нашу сторону. Так что ваши brave старперы, поднятые им по боевой тревоге, которую в разговоре с гостями ты так прозорливо обозвал учебной, сидят сейчас вдоль всего периметра нашего сектора, даже не подозревая, что все пути в центральную сферу блокированы. Кстати, дядя, ты, надеюсь, оказал мне любезность и успел внести данные капитана и этого его зануды первого помощника в центральную генотеку?

Фаж Лизье довольно рассмеялся.

– На что вы рассчитываете? – холодно поинтересовался бледный Таллертон, пришедший, наконец, в себя. – На раз-

блокировку дверей и прорыв в центральную сферу уйдет не больше трех суток и...

– Ладно, хватит болтать! – прервал его пилот и ощерился, точно так же как тогда, в том служебном отсеке на лайнере. Робот за его спиной тяжело переместился в сторону и взвизгнул стволами. – Двигай вперед, составишь компанию своим флотским заложникам!

Таллертон медленно поднялся, явно прикидывая, успеет ли он допрыгнуть до горла своего столь любезного племянничка. Вновь угрожающе взвыли турели робота.

– А вы, мистер Лэнни, останетесь здесь, – продолжил пилот. – И постарайтесь экономить воду – нам, скорее всего, будет недосуг с вами нянчиться, так что вы вряд ли выйдете отсюда ранее, чем через трое суток.

Я учтиво кивнул головой, чем, похоже, озадачил его – он, видимо, ждал какой-то слабОВОЛЬНОЙ истерики. Так и не заметив, что стол сервирован на троих, чем собственно и объяснялась мое спокойствие, Лизье резко отдал какую-то команду, двое его ребят подхватили бледного Таллертона под руки и потащили в коридор, куда уже выкатился робот. Лизье снова нахлобучил на голову шлем скафандра и вышел следом. Пара оставшихся боевиков, держа меня на прицеле, прикрывали его до последнего шага по залу. Лишь когда их предводитель исчез из поля моего зрения, они покинули свои позиции в дверном проеме – и огромная плита тут же встала на место.

Я выждал несколько секунд, затем откинул скатерть и заглянул под стол. Капитан «Уинстона Черчилля» лежал, согнувшись в позе эмбриона, крепко сжимая ножку стула. Его трясла крупная дрожь.

– Капитан, что с вами?!

С ухнувшей в пятки душой я не без труда вытянул его из-под стола, стараясь не опрокинуть на спину – при любых припадках главное, чтобы у человека не запал язык и чтобы он не мог захлебнуться собственной рвотой.

Язык у капитана был на месте. Он тяжело дышал и что-то бормотал. Я прислушался к его горячему шепоту и разобрал только одно: «Все будет в порядке».

Через несколько минут, стоимших мне наверно множества седых волос, он, наконец, перестал биться в странной лихорадке. Намочив столовую салфетку в кувшине с ледниковой водой, я приложил этот самодельный компресс к его лбу и дал выпить капитану немного вина. В таком виде – с бокалом в руке над распростертым телом – меня и застал шипящий звук открывающейся двери...

Я медленно поднял голову, уже ожидая увидеть пулеметные стволы боевого робота и ухмыляющегося Лизье, и с радостным изумлением обнаружил, что от двери к нам торопится Энтони. Одевание на нем было очень похоже на то, в котором красовался перед нами Рио Таллертон.

– Что с капитаном? Ранен?

Я только неуверенно развел руками, не зная, что и отве-

тить.

Первый помощник поспешно опустился на колени рядом с капитаном. Тот приоткрыл глаза и улыбнулся ему уголком рта.

– Энтони... Ну вот мы и добрались до showdown? – еле слышно просипел он.

Первый помощник лишь покачал головой:

– Ох уж эти ваши карточные термины, командир. Что с вами? Двигаться сможете?

Капитан попытался подняться, но тут же обессилено откинулся навзничь.

Энтони шепотом выругался, озабоченно оглянулся на дверь и ухватил капитана за плечо.

– Нам надо быстро уходить отсюда. Лэнни, помогите мне!

Вдвоем мы кое-как подхватили странно обмякшего капитана, выволокли его в едва освещенный коридор и ввалились в какой-то отсек напротив. Я со стоном рухнул на пол рядом с капитаном. А когда пришел в себя после этого маршброска, Энтони уже успел закрыть дверь в покинутый нами обеденный зал и, вернувшись, прислонился к стене рядом с овальным люком, внимательно следя за коридором.

– Как вы сумели сбежать? – окончательно отдышавшись, спросил я.

Энтони приложил палец к губам и осторожно прикрыл люк, оставив только небольшую щель. Из коридора донесся неясный шум, затем кто-то торопливо пробежал мимо наше-

го убежища. Капитан, которому явно стало лучше, оперся на руку и привалился к стене спиной.

– Лэнни, зачем куда-то бежать? – все еще хриповатым голосом произнес он. – Энтони такой же здешний, как и Рио Таллертон...

Я потрясенно уставился на первого помощника капитана.

– Господа, давайте отложим эти детективные разоблачения на потом, – поморщился Энтони, продолжая глядеть в щель люка. – Они скоро поймут, что упустили из виду двух человек внутри центральной сферы. Старина Таллертон не из тех, кто может долго проявлять стойкость. Так что нам надо скорее прорваться к диспетчерской. Благо тут относительно недалеко.

– Постойте, Энтони! – опомнился я. – Но ведь в диспетчерской Торкинс?!

– И что?

– Он же в сговоре с Лизье!

– Успокойтесь, Лэнни. Вы просто не в курсе последних событий. Я помог Торкинсу выбыть из игры как раз за несколько минут до того, как к вам пожаловал Фаж... Кстати, здесь вот-вот появятся наши бойцы, и если мы не укроемся в диспетчерской, то рискуем оказаться между двух огней!

Энтони, конечно, ничего не рассказал нам с капитаном о том, как, вернувшись домой под видом «заложника», он обнаружил, что центральная сфера блокирована. Как, пробравшись к диспетчерской, услышал разговор Торкинса с Фажем

Лизье, вслед за нами пробравшимся на станцию. Как после сеанса связи с Сюзанной ворвался в диспетчерскую, оглушил Торкинса, поднял тревогу, разблокировал центральную сферу и помчался к нам на выручку, лишив диспетчерскую связи на случай, если кто-то решит повторить фокус связанного им Торкинса.

Мы выбрались в коридор и медленно двинулись вслед за Энтони. Капитан то и дело опирался на стену, я придерживал его с другой стороны и на каждом шагу клял себя за то, что позволил втянуть себя в эту авантюру. Несмотря на слабое освещение, мы были видны как на ладони и любой боевик, что уж там говорить про боевого робота, мог уложить нас в момент. Но Энтони уверенно шагал вперед, капитан совершенно спокойно следовал за ним – и только это удерживало меня от того, чтобы бросить все и сбежать обратно. Мы благополучно миновали один перекресток, свернули на втором и только вышли к третьему, как пол неожиданно ушел у нас из-под ног и, все трое, мы с размаху вцепились в стену.

– Что это было? – закричал я, будучи уже на грани истерики.

– Похоже, наш гениальный Фаж вцепил по станции бортом «Уинстона Черчилля», – протянул задумчиво капитан. – По крайней мере, я на его месте предусмотрел бы такой маневр.

Первый помощник грязно выругался. И словно в ответ над нами раздался резкий, явно предупредительный, сигнал.

– Бежим! – крикнул Энтони, вскакивая на ноги. – Мы еще успеваем проскочить!

Мы бросились за ним. Коридор вывел нас к очередному перекрестку. Двигаясь по диагонали, его медленно перекрывала мощная плита, из-за которой то и дело раздавался странный приглушенный треск. Плите оставалось продвинуться до упора не более полутора метров, когда мы просочились сквозь этот проход на другую сторону. Коридор слева от нас был погружен в темноту. Странный треск раздался вновь, но тут же стих.

– Что это трещит? – спросил я, нервно косясь на плиту, уже почти отрезавшую нам путь обратно.

– Это пули, Лэнни, – невозмутимо пояснил капитан, потирая плечо. – Здешние стены явно покрыты сверхтехнологичной пленкой, она может погасить удар даже пушечного снаряда. Оттого тут и разгуливают роботы, обвешанные пулеметами. Никаких обратных рикошетов!

Гулкий удар, с которым перекрывающая коридор плита вошла в паз, поставил твердую точку в этом объяснении.

И будто эхом этого удара из дальнего конца темного коридора раздалось монотонное: бум-бум-бум – и из сумрака вынырнул боевой робот. Дула всех его пулеметов были почему-то скошены вбок, а часть конструкций помята. Робот щелкнул стволами, и я, словно очнувшись, бросился за угол. Раздался треск выстрелов. Но капитан с Энтони даже не пошевелились. Они стояли плечом к плечу будто зрители в ор-

битальном китарии.

– И на сколько рассчитан его патронный бокс? – поинтересовался капитан. Казалось, он совсем пришел в себя.

– Если наши умники их больше не совершенствовали, – Энтони сделал многозначительную паузу. – То в этой каракатице пять коробов по десять тысяч патронов в каждом.

– А скорострельность его не помнишь?

Энтони покачал головой и ругнулся. Из коридора, сквозь треск пальбы, вновь послышалось: «бум-бум-бум».

– Как его отключить? – потрясаясь спокойным голосом спросил капитан.

– Его – никак! Отключать надо оператора, который им управляет, а тот...

Они с капитаном почти синхронно бросились на пол и перекувырнулись прямо к моим ногам. Плита сбоку от нас начала изливаться водопадом тусклого металла.

Капитан оттянул воротник куртки, шумно выдохнул и мрачно заметил:

– Похоже, кто-то это уже осуществил.

Из-за угла появился робот, с маниакальным упорством продолжая расстреливать бронированную плиту. Я схватился за сердце – стоять вблизи механического чудовища, изрыгающего смерть из десятка стволов, – занятие не для слабонервных. Капитан, уже поднявшийся с пола, довольно бесцеремонно подтолкнул меня за спину робота, едва тот поравнялся с нами.

– Лэнни, поторопитесь, он может в любой момент развернуть стволы.

Я бросился наутек по коридору. Метров через пятьдесят темнота в нем как-то резко сгустилась. Выставив вперед руки, я чуть сбавил скорость и налетел на стену. От нее исходило странное тепло... Под ногами заскрежетала металлическая галька. Рванувшись наугад вправо, я оказался в абсолютном мраке нового коридора, где и осел на пол, чтобы перевести дух.

Мои спутники, неторопливо шагая, свернули ко мне через несколько минут. В руке Энтони ярко светился какой-то шарик. Он высоко поднял его, озаряя все вокруг, и тут позади нас раздался стон. Капитан с Энтони тут же отпрянули к стенам. Причудливые тени заметались по потолку, и я увидел Лизье, дрожащего на полу в темной луже. Энтони бросил шарик капитану, ухватил Лизье за подмышки, перетащил к нам и торопливо снял с него шлем. Лизье вновь застонал, хватая ртом воздух.

– Плохо дело, – наклонившись к нему, констатировал капитан. – И как его только угораздило попасть под пули робота, которым он сам же и управлял?

– Диспетчерская рядом – а там полный медицинский набор... Помогите мне, капитан.

Вдвоем они аккуратно подхватили раненого и поволокли по коридору. Несколько уязвленный невниманием к собственной персоне, я поплелся следом. Сердце бешено коло-

тилось и, казалось, даже заглушало пулеметные очереди боевого робота. Впрочем, это, конечно же, лишь казалось. Не нужно было быть экспертом по вооружениям, чтобы из отрывочных реплик капитана и его помощника понять, что последний через шлем Лизье отдал взбесившейся машине команду прекратить огонь.

В диспетчерской Энтони первым делом по-хозяйски открыл потайной шкафчик в стене, достал оттуда несколько коробок с инструментами и медикаментами, и принялся оказывать помощь Лизье. Да, я еще не упомянул, что дальнем конце рубки спиной к нам сидел связанный по рукам и ногам Торкинс и что-то мычал. Обессилено плюхнувшись в ближайшее кожаное кресло и, не обращая никакого внимания на жалкую фигуру горе-диспетчера, я уставился на мониторы. Картинка, надо признать, была весьма качественной: серебристые коридоры, по которым слабо метет снежная поземка, дымящаяся станина боевого робота, куда-то спешащие мимо него десятки загорелых людей в военной форме, темные капсулы каких-то платформ, весьма хищного вида, и снова серебристые коридоры... Я вздрогнул и торопливо протер глаза – нет, те не врал: на одном из мониторов вновь появилось изображение вояк, меньше всего похожих на здешних обитателей. Я судорожно втянул ртом воздух, пытаясь привлечь к себе внимание: если я что-то понимал в нехитрой схеме станции, которая дрожала в углу одного из экранов, эти самые солдаты продвигались прямо в нашу сторону...

– Подберите слюни, Лэнни! – обратился ко мне капитан, морщась, словно от зубной боли. – Это всего лишь наши ребята!

Тут он ругнулся и стал сползать по стенке на пол, не обращая никакого внимания на своего первого помощника, который ошалело уставился на мониторы. По его телу снова пробежала прежняя дрожь.

– Энтони, с капитаном опять припадок!

Энтони вздрогнул, торопливо опустился на колени перед капитаном, в какой-то растерянности потряс его за плечо, ухватил за запястье, щупая пульс, и вдруг рывком задрал рукав капитанской куртки. На предплечье капитана змеилось какое-то серебристое украшение. Энтони матюгнулся так, что даже меня непроизвольно бросило в краску. И только тогда я понял, что на руке у капитана никакого не украшения, а внешний контур какого-го имплантата.

– Лэнни, держите его!

Я поспешно вскинулся из кресла и ухватил дрожащего капитана за плечи. Энтони тем временем бросился к пульту и торопливо выбил на нем какую-то замысловатую дробь. Экраны мигнули, а от входа раздался явственный щелчок. Капитан натужно захрипел, все его тело скрутила невероятная судорога. Я еле удерживал его в сидячем положении – и это притом, что весил в два раза больше, чем он!

Энтони метнулся к разложенным возле впавшего в забытие Лизье коробкам с медикаментами, выхватил одну из

ампулу, торопливо снарядил ее содержимым миниатюрный шприц и вогнал иглу в плечо капитана. Тот с силой вывернулся из моих рук, лицо его покраснело, потом он вдруг обмяк, словно увядший лист салата, и завалился на бок.

Но его глаза! Его глаза при этом так пронзительно сияли, так лучились – словно он только что получил в наследство с десяток корпораций «Тиатроник» и евразийский континент Земли впридачу!

Энтони снова выругался и на каком-то неизвестном мне языке начал что-то весьма эмоционально выговаривать капитану. Тот лишь щурился и иронично улыбался. Первый помощник вколол ему еще какой-то препарат и оттер со лба пот.

– Что с ним, Энтони?

– Этот безумец согласился имплантировать в себя резонансный биоконтур! – и Энтони снова грязно выругался, словно этот мат разом все и объяснял даже самому далекому от космической навигации и связи человеку.

– Ээээ... И что?

Энтони с чувством хватанул ногой по ближайшему креслу.

– Да то! Что эта штуковина нормально включается только раз! А потом начинается каскад произвольных импульсов. Даже при самом лучшем медицинском сопровождении после десятка припадков развал нервной системы и гибель головного мозга гарантированы!

Капитан хрипло выдохнул.

– Так что перед вами, Лэнни, – слабым голосом пошутил он, – готовый к употреблению труп.

На Энтони в этот момент было страшно смотреть. Он побелел, словно был Луной, а не первым помощником капитана «Уинстона Черчилля».

Я оглянулся на мониторы.

– Но неужели медики нашего Военно-Космического флота ничем не могут помочь?

Капитан фыркнул:

– Лэнни, о каком флоте вы говорите? Опомнитесь, это десантники юпитерианских станций!

Энтони, видимо, включил режим слежения, потому что теперь практически на всех двенадцати мониторах были видны бойцы в черно-красной форме и едва они исчезали из поля зрения одной камеры, как система автоматически включала следующую по ходу их движения. Действительно, на бойцов Военно-Космического флота они походили еще меньше, чем на местных обитателей.

На одном из экранов мелькнули огромные золотые ворота, и по крайней мере на четырех ближайших ко мне панелях появилось изображение одного и того же огромного зала – в разных ракурсах. В центре его матово поблескивал золотой шар. Рядом с ним замерли два боевых робота. С десятков человек в белых халатах оживленно суегились возле нескольких небольших платформ. У ног одного из роботов я увидел

связанного Таллертонa. В отчаянии он перекатывался с боку на бок и что-то кричал. По его лицу текли слезы – но он явно ничего не мог уже изменить. Боевые роботы весьма резво, несмотря на всю свою кажущуюся неуклюжесть, развернулись в сторону

ворвавшихся в зал людей, но сделать ничего не успели. И белые халаты, и оба оператора боевых машин, стоявшие позади шара, – все они вдруг ни с того ни с сего попадали на пол. Даже Рио Таллертон замер на месте, так и не сумев перевернуться через плечо. Три хищные платформы, вкатившись в зал впереди волны наступающих, тут же остановились. Мимо них в сторону золотого шара пронесся старикашка с развевающейся бородой и несколько человек с какими-то допотопными медицинскими сумками, перекинутыми через плечо. Они торопливо начали осматривать потерявших сознание людей, и некоторым из них – тому же Таллертону, например – что-то вкалывать. Тем временем, десантники рассредоточились по залу, заняв тройную круговую оборону вокруг матового шара.

– Профессор-таки успел заточить свою машинку, – пробормотал капитан позади меня. – Поздравляю вас, людоед Энтони. Дело обошлось без лишней крови.

Энтони, так же как и я, потрясенно уставившийся в экран, бешено развернулся.

– Сколько раз повторять, капитан?! – дико заорал он на всю диспетчерскую и грохнул кулаком по деревянному под-

локотнику кресла. – Мы не людоеды!!!

Капитан с едкой улыбкой хотел было что-то сказать, но тут в дверь диспетчерской заколотили.

– Немедленно открывайте! – раздался из коридора грубый голос. – Станция полностью захвачена! Соппротивление бесполезно!

Энтони на несколько секунд закрыл глаза, с трудом унимая переполнявшие его эмоции, сел в кресло и застучал по клавиатуре. На шести мониторах перед ним сперва один за одним замелькали виды станции, затем – несколько схем, на которых преобладал кроваво-красный цвет.

– Даю одну минуту!!! – вновь донеслось из-за двери. – Не откроете сами, взорвем люк и тогда пеняйте на себя!!!

Энтони вызвал на экран еще одну схему: пять линий по десять столбиков в каждой. Почти все столбики были невзрачно серыми – лишь два из них на треть закрашены желтым цветом...

– Энтони, один робот уже ничего не решает, – усталым голосом заметил капитан, который уже явно не утруждал себя изучением информации на мониторах. – Открывайте дверь. Нам всем хватит и одной смерти.

Первый помощник капитана откинулся в кресле и не глядя нажал на какую-то кнопку. Дверь с шипением отъехала в сторону, и в диспетчерскую тут же ворвались пятеро десантников во главе с необычайно крупным мужчиной. Впрочем, толком рассмотреть его я не успел. Меня тут же крайне непо-

чтительно ухватили за руки и поставили лицом к стене. Энтони ткнули головой в пульт, а лежащего без сознания Фажа Лизье, судя по звукам, отволокли в угол к связанному Торкинсу.

– Сектор под контролем, командор! – раздался бравый молодой голос.

– Хватит играть в войнушку, Гарольд! – рывкнуло в ответ. – Лучше беги ускорь профессора! Не видишь, Эйс загибается!

Мимо меня пронесся один из десантников.

– Мехико, будь другом – не шуми так, – в голосе капитана сквозило легкое раздражение. – И распорядись не трогать этих двоих. Тот, что в кресле – мой первый помощник. А к стенке вы и вовсе журналиста поставили!

– Хорошо, хорошо, Эйс, – ты только не волнуйся, – позади раздался энергичный щелчок пальцами, и чья-то тяжелая рука тут же похлопала меня по плечу.

– Свободен, янкл², – с жутким акцентом произнес стоявший позади меня десантник.

Я с опаской обернулся. Энтони, сидя в своем кресле, потирал то одно, то другое запястье, капитана уже усадили во второе кресло, и он, страшно бледный, откинулся в нем назад, насколько это было возможно. Левую щеку его поддерживало. Торкинс с Лизье по-прежнему валялись в углу, и на них никто и не обращал внимания. Десантники и среди них

² Янкл – диал. дядя

тот гигант, которого капитан назвал этим странным географическим прозвищем, окружили командира экипажа «Уинстона Черчилля», чуть ли не глядя ему в рот.

– Мехико, слушай, я там записал кое-что на лайнере, но потом стер, слишком уж опасно... было... Так что ты на словах уж как-нибудь передай Натали, когда ей легкие пересадят и она окончательно придет в себя, передай ей, что я, я...

Впервые за все время нашего знакомства я видел, чтобы капитан так волновался. Мехико всплеснул руками.

– Даже и думать не смей! – вскричал он, игнорируя все просьбы насчет излишнего шума. – Сам все и скажешь! Ну где этот проф?!

– Да здесь я уже, Мехико, – раздалось еле слышное старческое ворчание от двери, и мимо меня проехала одна из тех самых странных платформ, которые мелькали на мониторах диспетчерской. Вслед за ней к креслу капитана просеменил старичок с растрепанной бородой и медицинской сумкой через плечо.

– Здравствуйте, эдмин Эйс, – как ни в чем не бывало приветствовал капитана профессор и в руках у него вдруг оказался большой шприц, заполненный какой-то янтарной жидкостью. – Сейчас мы все поправим.

Мехико торопливо закатал рукав капитанской куртки, вновь оголив серебристые нити биоконтур-убийцы. Старичок мастерски вогнал иглу в вену капитана и бесстрастно выдавил в кровоток содержимое шприца. После чего вздохнул,

чуть подвинул платформу – так, чтобы носом она упиралась прямо в кресло капитана, и многозначительно глянул на Мехико. Тот моментально ухватил кресло с сидящим в нем Энтони и отволок в сторону. Капитан недовольно шевельнулся.

– Вы что тут задумали? В овощ меня превратить?

Профессор не обратил на эту реплику ни малейшего внимания. В его руке возник отливающий медью пульт, он привычным жестом щелкнул каким-то черным рычажком и... Платформа даже никакого звука не издала. Вот только капитан вдруг застыл в своем кресле, словно каменное изваяние. Я никогда особо каменными изваяниями не интересовался, тем более что старичок явно знал, что делал, а потому, пока все, затаив дыхание, смотрели на капитана, шагнул в сторону того угла диспетчерской, где валялся связанный Торкинс и где стоял только что попавший в поле моего зрения столик с фруктами и весьма красочной бутылкой виски. Мне было просто жизненно необходимо выпить что-нибудь для снятия стресса. Именно поэтому я оказался единственным, кто увидел, что Фаж Лизье вытаскивает из-за спины коллекционный пистолет и вскидывает его в сторону седобородого. Я бросился вперед, чтобы толкнуть профессора за кресло с капитаном. Разумеется, в тот момент я даже не догадывался, что в последний раз вижу великого Эйса Вигхема – человека, который осознанно пошел на смерть ради того, чтобы наш десант получил точную наводку на тщательно замаскированную станцию неоканнибалов.

Перед моими глазами мелькнули мониторы, что-то ужалило меня под самое сердце. По ушам ударил грохот выстрела. Грузно шмякнувшись об пол,

я попытался тут же вскочить, но вдруг обнаружил, что рвусь из койки, к которой накрепко привязан широкими белыми ремнями.

Ничего не понимая, я обвел глазами помещение, в котором очутился. Это была комната без окон с умиротворяюще зелеными стенами.

Вдоль одной из них был установлен целый ряд каких-то мигающих агрегатов, которые двоились и странно наслаивались друг на друга. В груди возникло какое-то странное ощущение, и вдруг все пропало, словно кто-то щелкнул выключателем.

Очнулся я в той же комнате и в той же самой койке. На этот раз вокруг царил полумрак. В воздухе стоял запах лекарств и каких-то химических реактивов, которыми дезинфицируют больничные палаты. Слева высилась капельница. Я пошевелил ногами и руками. В левом боку снова появилось ноющее чувство. Только тут я понял, что умудрился словить ту самую пулю, что предназначалась тому пожилому джентльмену с растрепанной бородой.

Свет в палате вдруг стал чуть ярче и в нее бодрым шагом вошел мужчина в белом халате. От него я и узнал, что уже пятый день лежу в реанимационном блоке станции неоканнибалов, приходя в себя после операции по удалению пули,

а вместе с ней и большей части поврежденной поджелудочной железы. Стыдно признаться, но перспектива провести оставшуюся жизнь, питаюсь одними кашами и пресными пюре, поразила меня настолько, что я даже не поинтересовался, что было дальше в диспетчерской и жив ли капитан нашего лайнера...

На Юпитер-Ноль мы прибыли с опозданием на неделю. Впрочем, изначально предполагалось, что у меня будет время на то, чтобы прийти в себя после перелета, ознакомиться с местными достопримечательностями и полюбоваться видами Юпитера, а потому я как раз поспел к началу церемонии Академии кулинарного искусства юпитерианских орбитальных станций. И получил – за самый оригинальный рецепт – ту самую Золотую картофелину, о которой так мечтал. Директор второго орбитального канала, мечтавший о ней даже больше, на радостях дал мне месяц творческого отпуска. Впрочем, ничего иного ему и не оставалось – об аварии на «Уинстоне Черчилле», которая вывела лайнер из строя как минимум на срок этого моего отпуска, гудели уже все новостные каналы. Через три дня после церемонии награждения на другом, уже закрытом приеме я получил из рук Мехико орден Красной сферы, который на тот момент был высшей боевой наградой наших станций – ведь Звезды Эйса не было еще и в помине. Спустя неделю мне успешно вживили новую поджелудочную железу, а за трое суток до старта отремонтированного скоростного лайнера тот же

Мехико вручил мне декрет совета администраторов юпитерианских станций. Этим документом за мной закреплялось право организовать телевизионное вещание на одной из частот, которые до того момента использовались для дублирования технической информации. В случае моего согласия воспользоваться этим правом ко мне в собственность переходило все телевизионное оборудование, что было конфисковано на станции неоканнибалов, а также та часть трансляционных систем Юпитера-ноль, которые обслуживали выделенную мне частоту. Уже следующим утром я сдал билет на «Уинстон Черчилль» и отбил своему бывшему боссу такое яркое видеопослание, какое только сумел сочинить.

Вот собственно, и вся история моего так называемого героического подвига. Ничего сверхъестественного, как видите. Да, Джинни? Ах да, что стало с теми неоканнибалами... Да ничего особенного – вкальывают на орбитах, как и все. Кое-кто даже сражается за нас. Вы поймите, неоканнибалы – это же не те, кто ест собственную печенку или даже точит зуб на «язык» великого оперного певца. Настоящие неоканнибалы – это те, кто, прикрываясь так называемыми «интересами большинства», гонятся за собственными выгодами или выгодами людей своего круга, жертвуя при этом для приготовления политических блюд не только другими, такими же малыми, но и большими сообществами людей.

Я внимательно вглядываюсь в лица собравшихся полукругом возле меня детей. Младшему из них нет и десяти, а са-

мой старшей едва исполнилось пятнадцать. И ни один из них не плачет, хотя им, выросшим на юпитерианской орбите, наверно даже лучше меня известно, чем могут закончиться эти наши посиделки. Но они спокойно сидят в своих аварийных скафандрах, слушают старого балабола Лэнни и сосредоточенно жмут, что им вздумается, на переносных клавиатурах.

Внезапное нападение Военно-космического флота Земли застало их в гостях на моей новой станции, ретранслирующей наши передачи на родную планету человечества. И хотя наработки, позаимствованные со станции неоканнибалов, позволили нам до сих пор оставаться невидимыми, первый же залп земного флагмана смел наше основное защитное поле, сделав легкой добычей для любых, необязательно сотворенных людским промыслом, высокозаряженных частиц. Слава Эйсу, у нас есть тут чем заняться – хаотичные сигналы с клавиатур уже полтора часа забивают частоты земного флота.

Впрочем, если быть точным, Колинер, самый шумный и непоседливый парнишка из всей этой компании, выбивает что-то упорядоченное – он в пять минут придумал какой-то хитрый и непонятный никому из нас алгоритм, благодаря которому местный сервер заглушил все сигналы, исходящие с земного флагмана. Так что нам некогда предаваться мрачным размышлениям о радиационных поясах и сверхжестком космическом излучении. И слава Эйсу, у нас всех есть крохотная надежда. Впрочем, почему крохотная?

Я восторженно ору и запускаю своей клавиатурой в дальнюю стену телестудии. Станция вздрагивает – не от этого удара, конечно, а от экстренной стыковки с вынырнувшим словно бы из небытия крейсером «Уинстон Черчилль», совсем недавно сошедшим со стапелей, – и по внутренней связи тут же раздаётся деловитый голос Энтони Кальдерони, все так же первого помощника капитана:

– Лэнни, как там дети?

– Все в порядке, Энтони! Ждут не дождутся, когда легендарный и жутко засекреченный эдмин Эйс Вигхем лично расскажет им о своих подвигах!

Я отщелкиваю шлем и хитро подмигиваю ошарашенному Колинеру, от удивления сбившемуся со своего сложного ритма. Но это уже неважно: на тактическом экране – он включился автоматически после стыковки – хорошо видно, что ударная полусфера земного флота полностью выведена из строя. А символ первого ударного крейсера горит зеленым – стало быть, наша призовая команда уже перехватила управление и сейчас спешно готовит парализованный экипаж к отправке на санитарную баржу. Впереди у бедолаг как минимум лет десять пребывания в коме – слишком уж большую мощность приходится задействовать, чтобы быть уверенными в исходе космического, а не внутристанционного боя при использовании парализаторов Цвейвассера. Конечно, содержание каждого тяжелопарализованного обходится крайне дорого, так что боссы земных орбит вряд ли обраду-

ются санитарным транспортом, битком набитым экипажами захваченных нами боевых кораблей. Но хотел бы я посмотреть на того, кто попытается объявить их погибшими!

До детей, утомленных сотворением хаоса на традиционных частотах, наконец, окончательно дошел смысл моих слов. Одни принимают переспрашивать меня по внутренней связи, другие срывают с головы шлемы и подсакивают с теми же вопросами уже напрямую, без всяких микрофонов-наушников. Радостный гомон в диспетчерской стремительно нарастает, заглушая теперь уже слова Энтони, который, кажется, живо интересуется, кто из нас выдумал столь гениальный хаотический алгоритм.

Я машу руками, чтобы хоть как-то сбить эту волну детских вопросов.

– Ну кто когда умирал от двух лет, проведенных в коме после того, как биоконтур замкнуло от выстрела из парализатора? Разумеется, Эйс жив!